

О. С. Ермакова

**О НОВОНОРВЕЖСКОМ КАК ЯЗЫКЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Мотивация писателей

Для многих иностранных студентов литература на новонорвежском языке остается *terra incognita*: в высших учебных заведениях основной акцент ставится на изучение букмола, и новонорвежский, и в силу отсутствия практики, и нередко через призму восприятия норвежских знакомых, кажется нудным, ненужным, непонятым. Кроме того, книги с новонорвежского переводятся на русский гораздо реже, чем книги на букмоле. Поэтому нередко можно заметить, что студенты считают «норвежскую литературу» настолько отличной от литературы на новонорвежском, насколько отлична от нее и датская или шведская литература.

Нет сомнений в том, что подобное разграничение ошибочно настолько же, насколько разграничение между «мужской» и «женской» литературой. В действительности это — единая традиция, развивающаяся по одному пути и затрагивающая одни и те же темы. Более того, каждому крупному писателю, издающему книги на букмоле, можно подобрать «пару» — писателя, предпочитающего новонорвежский, который бы следовал тем же эстетическим принципам или разрабатывал бы схожие темы. Так, по мнению автора, можно вполне обоснованно говорить о сходстве поэзии Ингер Хагеруп и Халлдис Мурен Весос, романов Яна Хьярстада и Хьяртана Флэгстада, повестей Ларса Собю Кристенсена и Рагнара Ховланна. Точно так же, если говорить о группе так называемых

профиль-модернистов, объединившихся в журнале «Профиль» и задававших тон в норвежской литературе конца 60-х — начала 70-х годов XX в., то можно отметить, что писатели этой группы использовали как букмол, так и новонорвежский: Даг Сульстад, Эйнар Экланн, Пол Хельге Хауген и т. п.

Тем не менее нельзя отрицать, что в развитии литературы на новонорвежском есть свои собственные тенденции, есть излюбленные темы и жанры.

Одна из наиболее интересных черт литературы на новонорвежском — это рефлексия писателей по поводу языка. В этом случае речь идет не о ставшей уже привычной в произведениях постмодернизма проблеме отношения творца к акту творения, а о весьма конкретной проблеме: каково это — писать на новонорвежском, почему автор выбирает именно этот язык, и какие сложности встречаются на его пути. Для большинства писателей создание произведений на новонорвежском — это сознательный выбор, нередко связанный с определенными трудностями. Эйнар Экланн в одном эссе заметил, что отличить новонорвежский как язык от народного движения за новонорвежский становится все труднее. Если автор пишет хорошие книги на новонорвежском, он тем самым служит делу укрепления языка. Если нет, он навлечет стыд на сторонников. Таким образом, новонорвежский становится оружием в войне. В этом Экланн, по-видимому, прав, поскольку многие писатели, создавая произведения на новонорвежском, сознательно борются за его сохранение и развитие. Так, один из крупнейших писателей Норвегии Хьяртан Флэгстад, в 1978 г. получивший премию Северного совета, передал эти деньги обществу по сохранению и развитию новонорвежского языка Норегс Моллаг (Noregs Mållag). Он же издал несколько эссе и памфлетов, где рассматривает проблему распространения новонорвежского в стране. Другой известный писатель Эдвард Хум выпустил книгу «Мой отважный язык» (1996), где он дает обзор истории новонорвежского языка и предлагает собственные перспективы будущего этой письменной нормы.

Почему же писатели выбирают новонорвежский в качестве языка для своих художественных произведений? Вот, например, как отвечает на этот вопрос Улауг Нильссен, писательница, дебютировавшая в конце 90-х годов XX в. и завоевавшая признание и критиков и читателей: «Прежде всего, новонорвежский является той языковой нормой, на которой мне легче всего выразить свои мыс-

ли. Далее, я считаю, что существует своеобразный новонорвежский юмор и своеобразное ощущение общности тех, кто пишет на новонорвежском, которые близки мне. Кроме того, очень важно, что тот, кто выбирает новонорвежский, становится представителем антикультуры и духа противоречия, о сохранении которых, как мне кажется, следует позаботиться»¹.

Таким образом, сознательная борьба за «равноправие» одной из языковых норм — это веская причина для многих писателей. Другая важная причина — это неиспользованные возможности новонорвежского. Эдвард Хум пишет: «Мне нравится искать в новонорвежском редко использованные звучания <...> Если найти эти стилистические черты, то можно увидеть, какие преимущества заключаются в новонорвежском языке. Он настолько *неистерт*, настолько свеж и лишен языковых клише. Поскольку новонорвежский основан не на одном определенном диалекте, а на слиянии всех диалектов, в нем есть *общенорвежское* звучание, благодаря которому легко избежать ассоциации с какой-то определенной местностью»². Об этом же говорил другой известный писатель и драматург Юн Фоссе, отмечавший, что для него имеет большое значение именно искусственность этого языка, то, что он не привязан ни к какому определенному слою общества, не несет ярко выраженной стилистической нагрузки и, таким образом, наиболее подходит для выражения вневременных, абстрактных идей, ситуаций, лишенных привязки к «здесь» и «сейчас».

Еще одна причина, которая, в общем-то, кажется наиболее очевидной, — это внешние факторы: письменная норма, которой придерживаются в семье, преобладание новонорвежского в губернии, где вырос автор, в школе, где он учился и т. п. Однако эта причина не всегда имеет решающее значение для выбора писателем той или иной языковой нормы. Так, Карл Фруде Тиллер, один из наиболее многообещающих молодых авторов, перешел с букмола, на котором писал изначально, на новонорвежский. Объясняя свой выбор, он повторяет слова Юна Фоссе и Улауг Нильссен о том, что новонорвежский помогает ему наиболее полно раскрыть характеры персонажей и выразить свои идеи: «Я <...> смог писать свежим, незатертым языком. Я больше не писал на автопилоте, а чувствовал, что нашел что-то новое, что я начал творить»³.

Говоря о таких «переходах» с одного письменного языка на другой, нельзя не вспомнить о писателях, издававших книги и на бук-

моле, и на новонорвежском. Наиболее крупный из них — это Арне Гарборг, один из тех, кто стоял у истоков создания литературы на новонорвежском языке (вернее, ландсмоле). Как известно, ему принадлежат и четыре произведения на риксмоле, или, как он называл этот язык, на «датско-норвежском». Наиболее интересный пример — это книга «Nos mamma» (1890), которая в тот же год была издана в Бергене на ландсмоле под названием «Нјаа хо мор». Вариант на ландсмоле — это не перевод «датского» оригинала, а заново рассказанная история, в чем можно убедиться, сравнивая две книги. Но в этой статье нас интересует другой вопрос, почему Арне Гарборг, горячий сторонник развития «народного» языка, писал книги и на риксмоле? Ответ на это дает исследователь Ю. А. Дале, который отмечает в своей монографии, что риксмол более подходил для изображения тех слоев общества, к которым принадлежали главные герои этой книги⁴. Другой причиной была экономическая: книги на риксмоле становились востребованы и датскими читателями, следовательно, продавались лучше.

Еще один пример. Менее известный писатель Альфред Хауге, который свободно пользовался обеими письменными нормами норвежского языка, заявлял, что он при выборе букмола или новонорвежского руководствуется прежде всего художественными задачами, которые перед ним стоят. Так, серия романов о средневековом монастыре Утстейн (1951–1968) написана на новонорвежском. В то же время романы об эмиграции норвежцев в Америку, принесшие ему наибольшую известность (так называемая трилогия о Кленге Персоне, 1961–1964 гг.), написаны на букмоле. По словам автора, такой выбор был естественным, так как все документы — письма эмигрантов и материалы архивов — были на риксмоле.

Таким образом, можно сказать, что одна из важнейших причин, побуждающих писателей издавать свои книги на новонорвежском, — это наиболее полная реализация художественных задач, поставленных перед ними. Вместе с тем в 2008 г. в периодических изданиях появилось несколько статей журналистов, заявляющих, что отказываются от своего «родного» новонорвежского языка и собираются отныне писать на букмоле. Журналист Анне Викен подводит итог в своей статье «Никуда не годный новонорвежский»: «... Прошлым летом я разговаривала с несколькими журналистами <...> Они всю свою жизнь писали на новонорвежском, но когда доходит до дела, у них, коротко говоря, просто нет времени писать

правильно на этом языке. И поскольку для большинства из нас важнее сказать то, что мы хотим сказать, а не то, на каком языке мы это говорим — на букмоле или новонорвежском, мы переходим на букмол»⁵.

Возвращаясь к причинам, побудившим Арне Гарборга издать книгу «У матери» на датско-норвежском, следует заметить, что законы рынка актуальны и сейчас. И несмотря на то, что художественная литература на новонорвежском продолжает издаваться, особенно активно эссеистика и поэзия, традиционно сильные жанры, коммерческая литература, как, например, пособия по домоводству, рукоделию, учебники по естественным наукам и т. п., выходят в основном на букмоле, так как иначе они не будут пользоваться спросом. Несмотря на поддержку со стороны государства, переводы с новонорвежского на иностранные языки появляются во много раз реже, чем переводы с букмола. Таким образом, по-видимому, прав исследователь Кнут Лёйланд, который заметил, что новонорвежский становится языком документов и художественной литературы, приобретает оттенок элитарности и превращается в «язык мандаринов»⁶.

¹ To forfattere om nynorsk // Aroundbooks. En blogg for bokelskere. <http://aroundbooks.blogspot.com/2008/02/to-forfattere-om-nynorsk.html>

² Hoem E. Mitt tapre språk. Oslo, 1996. S. 3.

³ Tiller K. F. Språkleg bifil // Norsk tidend. 2008. Nr. 1. Februar. S. 11.

⁴ Viken A. Den ubrukelege nynorsken // Aftenposten. 2008. 23 november.

⁵ Dale Johs. A. Studiar i Arne Garborgs språk og stil. Oslo, 1950. S. 117.

⁶ Løyland K. Produksjon av nynorsk litteratur. Oslo, 1997.

Olga Ermakova

ABOUT NYNORSK AS THE LANGUAGE OF FICTION LITERATURE. WRITERS' MOTIVATION

The article discusses the following question: why do the norwegian writers choose nynorsk as the language of their fiction books? Basing on the interviews and essays of some well-known writers, such as E. Hoem, E. Økland, C. F. Tiller etc, the auther comes to the conclusion that the main argument for using nynorsk is the following: This language has a certain creative potential that lets the writers to express their ideas better. However, nynorsk tends to be the language of fiction literature and official documents, so it is in danger to become an “elite language”.